

НАРОДЫ ЗАРУБЕЖНОЙ ЕВРОПЫ

Gerhardt Heilfurt unter Mitarbeit von Ina-Maria Geverus. *Bergbau und Bergmann in deutschsprachigen Sagenüberlieferung Mitteleuropas* Band I—Quellen. Marburg, 1967, 1291 S.

Вышел в свет первый том огромного труда Герхардта Гейльfurта о народной горняцкой прозе («Источники»). Второй том («Исследования») готовится к изданию в Институте этнографии при Марбургском университете. Это итог почти сорокалетней деятельности известного западногерманского фольклориста, автора ряда статей и книг о песнях, устных рассказах, обычаях и поверьях, профессиональной лексике горняков. Рецензируемый том, существенно дополняя ранее опубликованные немецкие сборники местных горняцких «сказаний» XIX—XX вв.—Ф. Врубеля (1883), К. Ноттинга (1933, 1934), Г. Стётцеля (1936), Ф. Кирнбауэра (1954) и Г. Шрайберга (1962), отличается от них своей структурой и научной направленностью. В книге Гейльfurта 1210 немецких текстов, которые относятся к фольклорному и полufольклорному (причем не только к собственно германскому, но и средневропейскому) материалу разных периодов истории горного дела—от средневековья до нашего времени. В исторической последовательности здесь расположены, наряду со «сказаниями» всех горнопромышленных районов этнографической территории Германии, «сказания» Лотарингии, Вогезов, Альп, Тироля, Богемии, Закарпатья, Верхней Силезии.

Сказаниями (Sagen) Гейльfurт, как и другие немецкие фольклористы, называет различные по жанру, форме бытования и социальной функции произведения устного и книжного, очень древнего и относительно позднего происхождения: легенды-предания, которые преобладают среди опубликованных 1210 текстов, рассказы-воспоминания, а также «слуши-толки». Извлечены эти фольклорные тексты, литературные источники и пересказы из старинных сочинений XVI—XVIII вв. (исторических хроник, богословских трактатов, руководств по горному делу, металлургии, географии, астрономии) и из периодических изданий, фольклорно-этнографических сборников, архивных фондов, в частности, из рукописного собрания самого автора-составителя. В примечаниях к текстам указаны сюжетные параллели в опубликованном немецком материале и в фольклоре соседних народов (номера по международному каталогу «Motif — Index» С. Томпсона), даются пояснения исторического и этнографического характера. Сопоставляя горняцкие легенды-предания немцев и других народов, Гейльfurт ссылается на труды Р. Гельгардта и А. Ионова (СССР), О. Сирватки (Чехословакия), Ю. Лигонзы (Польша), М. Филипповича (Югославия), К. Варги (Венгрия), П. Себнио (Франция), А. Гару (Бельгия), В. Ганды (США), Г. Лемена (Голландия), К. Тильхана (Швеция).

Обстоятельное (около двухсот страниц) «Введение» тесно связано с содержанием собранных в томе горняцких «сказаний» и с непосредственно следующими за каждым из них примечаниями. В первой части введения автор, обобщая опыт исследователей несказочной народной устной прозы (от Я. и В. Гриммов до многочисленных немецких современных фольклористов), ограничивается общими замечаниями по ряду важных проблем: о мифологических корнях фантастики традиционных народных «сказаний», ее многослойности, отражении в ней дохристианских и христианских верований; о сочетании в «сказаниях» вымысла и правды, исторического и современного социального содержания; о доминирующем коллективном и подчиненном ему индивидуальному творческом началах в фольклоре и влиянии на народных рассказчиков книжной культуры. Вместе с тем широко освещены современные научные концепции, дискуссии и новые конкретные наблюдения над процессом устного народного творчества, например, концепция А. Жолле о структуре устного рассказа как «простой формы»; концепция В.-Э. Пойкерта о «мифологическом климате» и «реальном зерне» сказания; полемика Л. Гонко с К.-В. Сидовым по вопросам морфологической классификации устной прозы; наблюдения И. Файге, О. Бринкмана и В.-Э. Пойкерта о влиянии на устную традицию социальной среды, в которой она традиция живет. Интересны приводимые Гейльfurтом психологические наблюдения А. Фиеркандта и Г. Генца над типами народных рассказчиков.

Во второй части «Введения» особенности горняцкой устной прозы рассматриваются в связи с условиями труда и быта горняков. Вслед за Максом Лютхи Гейльfurт обращает внимание на то, что полная неожиданностей опасная и тяжелая работа в темноте под землей располагала к распространению в среде рудокопов, шахтеров фантастических представлений, которые отразились в их устном творчестве, преимущественно в прозе. Верные замечания делает автор о различии функций горняцкой песни и горняцкой прозы. Многие образы и мотивы горняцких «сказаний» сложились на основе традиций устного творчества крестьян и развивались под его влиянием. Гейльfurт анализирует горняцкие «сказания» в их взаимодействии с легендарными рассказами других общественных групп (о кладах, гномах, чертях, горных духах, привидениях, пришельцах), учитывая специфику устного творчества рабочих. Истоки таких древних мотивов горняцкой устной прозы, как например «Чудесное спасение рудокопов в обвалившейся шахте» и «Чудесная находка подземных сокровищ», прослеживаются по литературным памятникам (жития святых, хроники, акты, ученые трактаты)

и памятникам изобразительного искусства средневековья и эпохи реформации. Средневековые и более поздние памятники и иконографические материалы позволили Гейльфурту путем сопоставления их с фольклором, бытующим поныне, выявить процесс постепенной дифференциации образов злых и добрых горных духов, хозяев недр, и процесс формирования человекообразных фантастических образов Горного монаха, Горного черта, Горного короля, Хозяина горы, Рубецаля. На конкретных примерах автор показал, как в народной среде постепенно разрушалась вера в эти сверхъестественные существа, что сказывалось в юмористической трактовке фантастических образов.

Вторая часть «Введения» завершается обзором альпийских, закарпатских, русских, саарских, аахенских, силезских «сказаний»; здесь главное внимание уделяется «региональным особенностям» образов горных духов, например, закарпатского Пергаме-нели и силезского Скарбника. Вызывает, однако, возражение то, что Гейльфурт отождествляет региональные различия в трактовке фантастических образов «сказаний» в отдельных областях с национальными различиями.

В третьей части «Введения» охарактеризован репертуар известных в записях или в литературных переложениях на немецком языке горняцких «сказаний» Средней Европы, определены принципы классификации их традиционных сюжетов и мотивов.

Тексты «сказаний» расположены в томе по тематическим разделам: А. Открытие полезных ископаемых и основание рудника, шахты. В. Чудесное происшествие в шахте или над нею. С. Духи оказывают помощь горнякам. D. Предвиденье и предупреждение беды. E. Чудесное спасение и сохранение. F. Наказание за нарушение правил поведения. G. Наказание за неосмотрительные поступки и оскорбительные слова. H. Оскудение рудника, шахты, причины этого. I. Заброшенный рудник, шахта — жуткое место. K. «Венецианец» — таинственный золотоискатель, разведчик недр. L. Сокровища гор и подводного мира. M. Появляющиеся из-под земли и исчезающие сокровища. В каждом из тематических разделов имеются подразделы; например, в разделе «F», где помещены рассказы, для которых характерна социально-этическая заостренность, имеются следующие подразделы: 1) проступок в присутствии горного духа; 2) наказание за свист, проклятия, хулу под землей; 3) наказание за работу в праздничные дни и в нерабочее время; 4) наказание за пренебрежение своими обязанностями; 5) несправедливость и злодеяния в жизни рабочих; 6) гнет и эксплуатация.

Классовые конфликты между рабочими и враждебными им владельцами, управляющими рудников, шахт, штейгерами отражаются только в немногочисленных рассказах последнего подраздела (№ 587—602). В легендарном рассказе из сборника Ф. Зибера «Harzland-Sagen», перепечатанном Гейльфуртом (№ 602), горный дух убеждает молодого энергичного бедняка-рудокопа освободить Гарц от угнетателя рабочих — горного мастера. Парень, женившись на дочери горного мастера, не выполняет своего обещания, и горный дух сжигает его в шахте. В другом рассказе (№ 590) из сборника Г. Ресселя «Das Erzgebirge in Sage und Geschichte», имеющем в немецком фольклоре несколько вариантов, довольно выразительно рисуется образ жадного и жестокого владельца рудника. В других рассказах бесчеловечных эксплуататоров карают сами горные духи или святые; действие относится иногда к весьма давнему времени, например к 1478 г. (№ 588), 1532 г. (№ 587). Сознательная организованная борьба пролетарских масс за свои социальные права и свободу в новое время в текстах рецензируемого тома не получила отображения. Но и в последних немецких сборниках горняцких сказаний социально-политические тенденции проявляются относительно слабо, слабее, чем, например, в опубликованных материалах по традиционному русскому горному фольклору Урала и Сибири.

Для сравнительно-исторического изучения устной горяцкой прозы данный том «сказаний» имеет существенное значение. В этих «сказаниях» нередко фигурируют в качестве добытчиков и хранителей подземных богатств гномы и «маленькие борода-тые люди», которые сродни «старым людям», чуди и суксунам уральских русских и башкирских горяцких легенд. Как в русских, так и в западных горяцких устных рассказах противоречиво, двойственно рисуются легендарные образы Хозяина и Хозяйки горы, шахты, отчасти справедливых и доброжелательных, отчасти же опасных и недружелюбных. Эти фантастические персонажи и в русском, и в западном фольклоре принимают облик людей и разнообразных животных, рассыпаются золотом. Имеются общие для русского и западного горяцкого фольклора сюжеты и мотивы. Круг традиционных фантастических персонажей и сюжетов, мотивов в западных, в частности, немецких горяцких легендах, шире, чем в русских, в которых не встречаются, например, горная фея, горная русалка, дикая женщина, горный великан, горный черт, горный король. Венецианец и многие другие. Кроме того, для русского горяцкого фольклора, традиции которого стали складываться не ранее второй половины XVIII в., совсем не характерна мистическая окраска, заметная во многих фантастических рассказах этой книги, имеющих средневековое происхождение.

Если во «Введении» автор уделит должное место художественности устного народного творчества и мастерству народных рассказчиков, то в основной части тома — «Sagen» — поэтические, подлинно фольклорные тексты как бы тонут в преобладающем полуфольклорном-полулитературном материале. Творчество выдающихся рассказчиков здесь, к сожалению, не получило определенного отражения.

Тщательно составлен ассистентом профессора Герхардта Гейльфурта Иной-Марией Геве-рус научный справочный аппарат тома (стр. 969—1291): указатели сюжетов-мотивов

и образов, профессиональных горняцких слов, географический и библиографический указатели. Книга богато иллюстрирована репродукциями со старинных миниатюр и лубочных картин, отражающих труд и быт европейских горняков, сюжеты их легенд, преданий, а также фотографиями наскальных рисунков и древних магических знаков, которые связаны с фольклором Гарца и Силезии.

Выход в свет рецензируемого фундаментального тома знаменует определенный этап в собирании и исследовании горняцкого прозаического фольклора Средней Европы и, надо полагать, привлечет внимание советских и зарубежных фольклористов к сравнительно-историческому изучению горняцкого фольклора народов мира, а также многонационального фольклора горняков Советского Союза.

Л. Г. Барар

НАРОДЫ ЗАРУБЕЖНОЙ АЗИИ

Lidio Cipriani. *The Andaman Islanders*. Edited and translated by D. Tayler Cox, assisted by Linda Cole. London, 1966, XII+159 pp.

Итальянец Лидио Чиприани, профессор антропологии Флорентийского университета, в 1952—1954 гг. вел полевые исследования на Андаманском архипелаге; он был в поле около двух лет, изучая две этнические группы андаманцев: ариото и онге. К третьей, джарава, ему попасть не удалось. Об ариото, жителях Северного и Южного Андамана, он сообщает лишь краткие сведения — их осталось всего 23 человека, к тому же о них написано несколько монографий (Мэн, Темпл, Портмэн, Рэдклиф-Браун). Основное внимание в книге он уделяет жителям Малого Андамана, онге. На этом острове до недавних пор не было пришлого населения, а когда оно появилось, то не вышло за пределы прибрежных участков. Внутренние районы остались во владении онге, примитивных охотников, рыболовов и собирателей, слабо затронутых внешними влияниями. О них известно очень мало, и численность их оценивают по-разному (от 200 до 600 чел.)¹. Книга Лидио Чиприани — первая большая работа об этом племени.

На фоне почти полного отсутствия сведений об онге появление книги, посвященной им, могло стать большим событием. К сожалению, этого не произошло. Причины тому было несколько. Это, во-первых, несовершенство методов полевой работы Чиприани, на что указывал, в частности, С. С. Сархар в статье «Численность онге и их поселения»²; во-вторых, его тенденциозная попытка отнести онге к эпохе палеолита; в-третьих, тот факт, что автор, умерший в 1962 г., не успел довести работу над рукописью до конца, и она в весьма сыром виде была переведена с итальянского на английский. К этому можно добавить, что рукопись невнимательно отредактирована и небрежно издана (первая глава, например, кончается на полуслове).

Книга состоит из краткого введения редактора, столь же краткого предисловия автора и семи глав: «Население островов», «Безмолвные джунгли», «Духи джунглей», «Экспурс в донсторию», «Урожай меда», «Пища моря», «Единство негритосов».

Посвятив несколько лет изучению негритосов Африки и Азии, Чиприани пришел к выводу, что в далеком прошлом негритосы заселяли большие области, а сейчас от этого древнейшего населения сохранились лишь отдельные изолированные фрагменты. Почти все эти племена (бушмены, семанги, аэта и т. д.) испытали на себе влияние соседей, что изменило их антропологический тип и культуру, и лишь андаманцы в условиях изоляции сохранили наиболее древние черты. Автор относит андаманцев по уровню развития к эпохе палеолита: по его мнению, андаманцы заселили архипелаг с очень бедной культурой, затем пять тысяч лет назад какой-то неизвестный народ со светлой кожей занес сюда более высокую цивилизацию (в частности, гончарство, свиноводство), но он исчез, растворившись в местном населении (стр. 149), а с его исчезновением начался процесс культурной деградации андаманцев (стр. 74). Такова общая концепция автора. Что касается деталей, то здесь автор нередко противоречит самому себе, характеризуя одно и то же явление то как свидетельство сохранения примитивных черт, то как результат регресса. Так, в одном месте он пишет, что неумение добывать огонь говорит о большой древности андаманской культуры (стр. 148), а в другом — что это следствие культурного регресса (стр. 66). Редактор оставил в неприкосновенности обе противоположные версии и даже не счел нужным сделать примечание.

Нет необходимости подробно разбирать восходящую к В. Шмидту антинаучную концепцию «первичности» пигмейской культуры. Но нельзя не отметить связанных с этой концепцией попыток Чиприани примитивизировать андаманцев. По его словам, онге никогда не моются, кожа у них не боится лесных колючек, выступающей на их коже по обладает свойством отгонять местных клещей, зубами они перегрызают гвозди толщиной до двух миллиметров, средняя температура их тела около 38°, подобно детям они:

¹ См. Б. Я. Волчок, Онге Андаманских островов, «Сов. этнография», 1965, № 3, стр. 99—109.

² «Anthropos», Bd. 55, 1960, Hft. 3—4, S. 561—563.